

воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

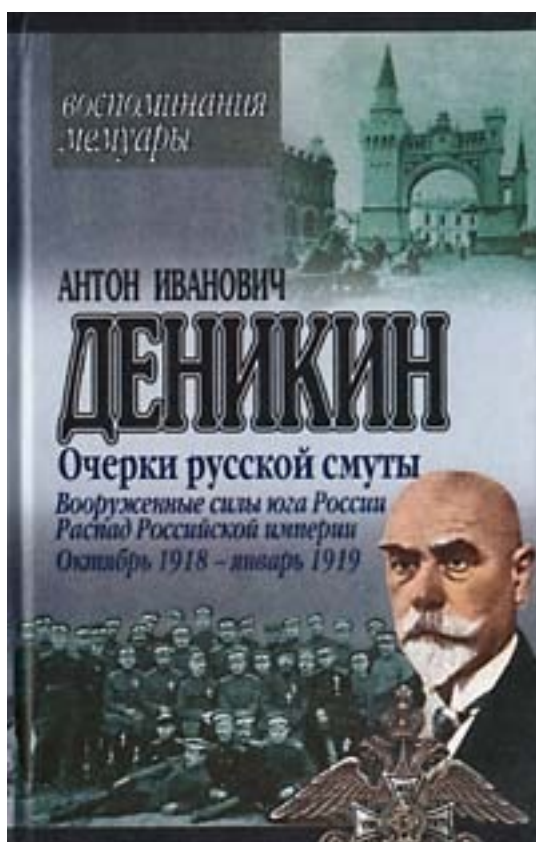
ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Вооруженные силы юга России

Распад Российской империи

Октябрь 1918 – январь 1919

Очерки русской смуты

Антон Деникин

**Вооруженные силы Юга России.
Октябрь 1918 г. – Январь 1919 г.**

«Public Domain»

Деникин А. И.

Вооруженные силы Юга России. Октябрь 1918 г. – Январь 1919 г. /
А. И. Деникин — «Public Domain», — (Очерки русской смуты)

В данной книге автор рассказывает о событиях Гражданской войны в последние месяцы 1918 – начале 1919 года. Значительное место занимает описание и анализ политических процессов, происходящих в то время на окраинах Российской империи и приведших к ее распаду.

Содержание

Глава VIII. Дон: события на Донском фронте в конце 1918-го и в	5
начале 1919 года. Борьба за единство военного командования на Юге	
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Антон Иванович Деникин

Очерки русской смуты

Том IV. Вооруженные силы Юга России (фрагменты)

Глава VIII. Дон: события на Донском фронте в конце 1918-го и в начале 1919 года. Борьба за единство военного командования на Юге

Падение Германии поставило в весьма затруднительное положение Донское войско. Во второй половине ноября германские части очистили территорию области, открыв опаснейшее и кратчайшее к ее столице направление – воронежское. В то же время немцы, занимавшие Украину, объявили нейтралитет, и в «пограничных» районах Харьковской и Екатеринославской губерний появились петлюровские атаманы, ниспровергая власть гетмана, прервав снабжение Дона боевыми припасами с Украины и неизбежно подготавливая вторжение большевиков с не менее грозного направления – харьковского.

К началу ноября фронт Донской армии шел от Кантемировка на Таловую и далее, приблизительно по северной и восточной границе области, подходя к Камышину на 20–30 верст и к Царицыну 30–40 верст; на юго-востоке фронт шел через станцию Житово по большому Царицынскому шляху до Маныча, где он входил в соприкосновение с левым флангом армии Добровольческой. На этом фронте Дон располагал 52 тысячами против 100 с лишним тысяч войск советского Южного фронта.

Задача, данная армии донским командованием, заключалась в обороне на юго-востоке и овладении важнейшими железнодорожными магистралями путем занятия станций Лиски – Поворино – Елань – Камышин – Царицын.

Затихшие было в октябре военные действия на воронежском направлении в начале ноября возобновились с новой силой, начавшись блестящим делом генерала Гусельщикова в районе Таловой и развившись затем в большую операцию, завершившуюся поражением 8-й советской армии и занятием донцами линии Лиски – Таловая – Новохоперск. В районе Луганска небольшой отряд Молодой Донской армии стоял прочно и отбивал все атаки противника.

В середине ноября усилившиеся советские армии вновь перешли в наступление, нанося концентрический удар на воронежском направлении и с северо-востока на фронт Урюпинская – Усть-Медведицкая. 9-я советская армия имела вначале успех, проникнув глубоко в Хоперский округ, но благодаря подошедшему к донцам с Царицынского и Воронежского фронтов подкреплению была опрокинута, и донские полки, преследуя ее, доходили до Елани и Камышина. Это наступление, прервав железнодорожную связь между Повориным и Царицыным, поставило в критическое положение советскую 10-ю армию, вследствие прекращения навигации по Волге оставшуюся без подвоза. Точно так же успешно отражались все настойчивые атаки красных на царицынском направлении, и войска генерала Мамонтова, с конца ноября сами перейдя в наступление, к 5 января подошли вплотную к городу Царицыну на линию Сарепта – Воропоново – Гумрак.

Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маныча в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить оружие, изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое

сильнейшего врага. Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. По существу стратегически победа была уже на стороне донцов: зимняя операция красных расстроилась, потеряла свой планомерный характер и продолжалась лишь по инерции, без внутренней идейной связи.

Но в Гражданской войне моральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять наступил перелом, который умело использовала советская пропаганда. Наиболее чувствительным ее аргументом были обещания Советской власти сохранить казачий уклад и уверения в тщетности надежд на иностранную помощь, о которой так часто и неосторожно говорил атаман колеблющемуся фронту.

Уже в ноябре, невзирая на успехи, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно шарились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще боровшимся войскам Хоперского округа.

В то же время большевики напрягали большие усилия, посылая для вразумления войск 8-й и 9-й армий карательные отряды, усилив Южный фронт четырьмя новыми дивизиями и направив из Харькова на линию Бахмут – Луганск армейскую группу Кожевникова.

И к концу января Донская армия на Северном и Северо-Восточном фронте отхлынула за Дон. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши, – говорил атаман Краснов на Круге¹, – уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества...»

Чем же объяснялся такой резкий перелом в настроении казачества и такой глубокий, ничем не оправдываемый развал армии?

Общество, армия, Круг искали прежде всего «виновных». Их назвал Круг, собравшийся в феврале, осудил и удалил. Виновными сочтены были – командующий Донской армией и начальник штаба ее, генералы Денисов и Поляков. Круг поставил им в вину, косвенно и атаману, «недостаточную осведомленность о фронте... легковесную самоуверенность... трения с Добровольческой армией... убеждение в период успехов, что справятся собственными силами, и делить победу с кем бы то ни было не хотелось... оповещение фронта о скором прибытии (неприбывшей) союзной помощи...» Наконец, непосещение фронта командующим, «невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии» и т. д. и т. д. ^[2]. Генерал Денисов указывал причины иные: 1) утомление казачества, 2) гибель веры в союзников, 3) возрастание сил противника, 4) лютая зима при недостатке одежды и теплых вещей, 5) агитация большевиков, 6) агитация «общественных деятелей» против атамана и против командующего, 7) развал тыла³. В сущности обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определяли согласно «заболеванием фронта большевизмом». Определение, верное только в отношении симптомов той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и рус-

¹ Стенограмма заседания Круга 1 февраля 1919 года

² Краткое сообщение о заседании 1–8 февраля 19 года

³ Отчет о вечернем закрытом заседании Круга 1 февраля

ский народ. Болезни воли и духа. Ибо донское казачество, органически чуждое коммунистическому укладу, приняв внешние формы и даже практику большевизма, как личину, как средство кого-то провести и от кого-то спастись, на другой же день вступало с ним в глухую борьбу всем своим нутром, всем бытовым укладом, в свою очередь встречая со стороны Советской власти полное недоверие и прямое посягательство на жизнь казачью, быт и достояние.

Эта двойственность казачьих настроений чрезвычайно ярко проявилась в красочной истории донского казака, войскового старшины Миронова. Демагог и честолюбец, мечтавший об атаманском перначе, он с самого начала Гражданской войны поступил на службу к большевикам и, командуя бригадой, потом дивизией, дрался весьма усердно на их Донском фронте. Но после большевистского вторжения на Дон в начале 1919 года зверства большевиков пробудили совесть в нем и в его казаках. Миронов стал на защиту разоряемых станиц, был обвинен в демагогии и отправлен на Западный фронт. Летом, однако, ввиду тяжелого положения на юге его переводят обратно на Донской фронт и ставят во главе вновь сформированного Донского корпуса, ядром которого служили казаки северных округов. В августе Миронов поднял восстание, к которому примкнули несколько донских советских полков. В приказе-воззвании от 9 августа он говорил казакам:

«... Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению? Только умирать с ожесточением.

Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон? Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванным коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу. Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь – свалить партию коммунистов».

Восстание было подавлено в несколько дней полуказачьими войсками Буденного. Миронов и его соучастники были преданы суду и приговорены к смертной казни. Но все они «выразили чистосердечное раскаяние» и просили взять их опять на службу в Красную армию... Миронова большевики помиловали, и в 20-м году мы видим его вновь командующим 2-й конной армией, сражавшейся против крымских войск генерала Врангеля. Зимой 1921 года он снова принимает участие в организации восстания в Донской области и, не будучи более нужен большевикам, использовавшим его популярность до конца, предается снова суду и кончает свою жизнь под расстрелом.

Взаимоотношения наши с донской властью с мая и до конца 1918 года определялись непримиримой позицией генерала Краснова в вопросе об едином командовании.

Если огромный вред, приносимый отсутствием общего плана и разрозненностью действий белых армий во всероссийском масштабе (Север, Восток, Юг и Запад), не всеми сознавался достаточно отчетливо, то на общем по существу доно-кавказском театре эти тягчайшие нарушения основ военного искусства сказывались ясно и разительно на каждом шагу. Вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу вокруг него общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительство Согласия. Генерал Краснов суживает теперь весь этот вопрос большого прошлого до размеров «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова с Деникиным», которого он «не хотел признать», отрицательно относясь к его личным качествам, как государственного деятеля и стратега... Наши взаимные характеристики могут быть несколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственные побуждения донского атамана в этом вопросе теряют значительно свою цену, если принять во внимание, что одним из «наиболее желательных вождей для объединенного командования» он называл... генерала Н. И.

Иванова^[4], на котором – по его же, Краснова, словам – отозвались «пережитые потрясения и немолодые уже годы и несколько расстроили его умственные способности...»

Отбросим личности. За ними стояло явление несравненно более крупного масштаба: вопрос шел о признании военного центра в борьбе Юга: «Дон» или «Добровольческая армия»? В глазах огромного большинства русской общественности первый представлялся началом областным, вторая – общегосударственным; в глазах правительств и командования держав Соглашения Дон был недавним союзником – пусть даже невольным – немцев, а Добровольческая армия «сохранила верность Соглашению до конца». Эти две предпосылки имели решающее значение в спорном вопросе.

Были, очевидно, объективные причины – не только «интриги Екатеринодара», которые задолго до образования мощной организации – Вооруженных Сил Юга – привлекали в орбиту Добровольческой армии спутников из самых отдаленных краев разваленной России. Мы видели стремление к объединению с нами Волжской армии Чечека и даже армии Учредительного собрания... К нам тянулись Псковская армия, балтийские отряды и Терек. Крым просил о присылке добровольческих войск... Подложный приказ от имени главнокомандующего Добровольческой армии о подчинении ему украинских войск достаточно выяснил отношение к нам русской общественности и офицерства Украины... Уральское войско сообщало, что «ожидает с большим нетерпением» подхода к Волге Добровольческой армии, «имея желание в общих интересах объединиться с нами»^[5]. Оренбургский атаман Дутов писал мне^[6]: «...Наше войско сепаратических стремлений не имеет и борется за всю Россию. На вашу армию мы возлагаем большие надежды и полагаем, что только вы и решите окончательно судьбу России. Ваша армия находится на юге и имеет все под рукой. В ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы...»

Расходясь, подчас серьезно, в вопросах государственного устройства, с большим единодушием относилась к военному верховенству Добровольческой армии и организованная русская общественность (кроме крайней правой) до «Союза возрождения» включительно. Даже весьма демократический «Съезд земских и городских самоуправлений Юга»^[7], представленный такими столпами революционной демократии, как Руднев, Гоц, Вишняк, Гвоздев и другие, возлагал на Добровольческую армию «ответственную роль служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии...»

Только самостийные круги смотрели иначе... «Меморандум четырех государственных образований»^[8], представленный французскому командованию, отрицал самую идею необходимости единства армии, допуская лишь создание «общего генерального штаба для руководства всеми операциями на основе соглашения государственных новообразований... Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа – таковы должны быть лозунги, к которым следует апеллировать для искоренения большевизма...» Составитель «меморандума» Марголин рассказывает, что «настроение у всех (собравшихся для обсуждения этого „акта“) было торжественное»; и единственный военный представитель совещания, внесший сей новый вклад в военную науку, донской генерал Черячукин «осенил себя даже крестным знамением перед подписанием...»^[9]

Молил, должно быть, у Господа прощения...

⁴ Письмо к генералу Франше д'Эспере 6 ноября 1918 г

⁵ 16 октября 18 г. № 200 и письмо от января 19 г

⁶ 11 января 19 г. № 1328

⁷ Симферополь, 30 ноября – 8 декабря 18 г. Резолюция

⁸ «Меморандум» Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, подписанный Черячукиным, Бычом, Марголиным, Галипом, Бохановичем 5 февраля 19 г. в Одессе

⁹ Украина и политика Антанты.

В этом отношении соединенное заседание Донской законодательной комиссии и кубанских делегатов выказало большую широту взглядов. Требуя автономности Донской и Кубанской армий, оно считало, однако, необходимым «скорейшее подчинение Донской, Кубанской, Добровольческой и других армий... в пределах России единому командованию» и допускало возможность борьбы с большевизмом, «выходящей за пределы охраны Донской и Кубанской области».

Интересно, что такая же борьба за единство командования, вызванная мотивами другого рода – боязнь бонапартизма, велась и в Советской России между Бронштейном, проникшимся идеями «военспецов», с одной стороны, и большинством Коммунистической партии – с другой. Только после поражений, понесенных большевиками на Востоке и Юге летом 1918 года, Советская власть создала Революционный военный совет республики^[10] с единым главнокомандующим (Вацетис, потом Каменев) на всех фронтах. Это единство командования, по словам Бронштейна^[11], спасло Красную армию, дав, наконец, возможность переброски, сосредоточения и вообще использования центрального положения армии для действия по внутренним операционным линиям. «Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле... огромное преимущество централизованной армии над партизанством и кустарничеством».

В вопросе единого командования, и притом возглавляемого главнокомандующим Добровольческой армией, сошлись и союзные представители.

В начале ноября вернулся из Румынии командированный туда донским атаманом за снабжением генерал барон Майдель и представил доклад^[12]:

«... с 2 по 12 ноября (нового стиля) я находился в полном контакте с представителями Согласия... Меня уполномочили уведомить: а) что Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всей русской армии в лице генерала Деникина; б) генерал Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому, если общественное мнение, генерал Деникин и Вы^[13] укажете, что Краснов, согласившись на полное подчинение главнокомандующему генералу Деникину, может остаться, то пусть остается; а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет, и Дон войдет в русскую армию, то союзники обеспечивают помощь войсками, деньгами, всем. Мои требовательные ведомости (на снабжение) вручены румынам при вербальной ноте послов Согласия...»

6 ноября донской атаман, очевидно, встревоженный этими сведениями, послал в Яссы и Бухарест посольство в составе генералов Сазонова и Янова и дипломатического чиновника Карасева. Посольству вменено было в обязанность, кроме проверки доклада Майделя, ознакомить союзников с положением Дона, убедить их в неприемлемости подчинения мне Донской армии, указать наиболее желательных вождей для объединенного командования на Юге (генералы Н. И. Иванов и Щербачев) и просить непосредственной помощи – боевым снабжением, деньгами и войсками.

Донское посольство, посетив генерала Бертело, русского посланника Поклевского-Козелл и генерала Щербачева, выяснило, что вопрос об едином командовании решен окончательно в пользу главнокомандующего Добровольческой армией. Генерал Янов – человек крайне неводержанный, по природе демагог, ненавистник Добровольческой армии – не жалел красок, чтобы очернить армию и ее командование в глазах союзников, доказывал невозможность подчинения генерала Краснова мне и счел даже уместным «запугивать их (союзни-

¹⁰ Учрежден 2 сентября 18 г. Объединение органов снабжения произошло значительно позже – декретом 9 июля 19 г

¹¹ Из доклада 24 февраля 19 г

¹² Выдержки из доклада генералу Богаевскому от 4 ноября 19 г

¹³ То есть генерал Богаевский

ков) возможностью соглашения казаков с большевиками, если будут настаивать на подчинении Краснова...»^[14]

Русская распря произвела тяжелое впечатление и в русских, и в союзных кругах и вызвала отповедь генерала Бертело Янову:

«Нехорошо бросать упрек в сторону родственной нам армии. Вы на первых же порах затрудняете работу союзников своими раздорами... Донская армия многочисленнее Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне: он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верным идее союза...»

В результате Бертело остался при первоначальном решении, сообщив его письмом атаману Краснову, а генерал Щербачев категорически отказался участвовать в этой сомнительной игре.

Представители Согласия, прибывшие в Екатеринодар, – Пуль, Эрлих, Фуке – также единодушно поддерживали идею объединения русских армий в лице добровольческого командования. В виде протеста против политики Краснова они ответили отказом на его приглашение посетить Новочеркасск... Пышными речами и приказами население и фронт были уже оповещены широко о союзниках, спешивших на помощь Дону, и отсутствие представителей их наносило большой урон атаманскому престижу. С большим трудом генералу Краснову удалось устроить непосредственным обращением к командовавшему союзными морскими силами в Севастополе адмиралу прибытие двух миноносцев – английского и французского, шедших в Мариуполь за углем, в Таганрог и визит затем их экипажей в Новочеркасск. С большой торжественностью были встречены в Новочеркасске иностранные гости, рекою лилось вино и вдохновенные патриотические речи; но среди них диссонансом для недоброжелателей Добровольческой армии прозвучало ответное слово французского гостя^[15]:

«... Пусть будет дозволено солдату Франции сказать вам: все достоинства и доблесть не привели бы к положительным результатам, если бы не существовало самого тесного единения между всеми союзными армиями в лице славного маршала Фоша и такого же единого командования на море под славным английским флагом... Благородная и великолепная армия казаков и неустрашимая, героическая Добровольческая армия станут (так же) непобедимыми, тесно соединившись и образовав из себя гранитную скалу, страшную для врагов...»

Ни в вопросах политики, ни в вопросах войны мы не могли понять, какие, собственно, конкретные цели преследует атаман Краснов. Его перо, его слово были полны такими внутренними противоречиями, в них так художественно переплеталась правда с вымыслом, что мы становились в полнейшее недоумение.

8 сентября 1918 года он писал генералу Алексееву:

«Я не думаю о будущем России – это не мое дело – это решит Учредительное собрание, „Земский собор“, вернее – Господь Бог, но я мечтаю об одном – освободить Россию от большевиков...»

А в октябре (без даты, № 02) он писал генералу Драгомирову:

«Приближается время мирной конференции народов... И думается мне, что время Добровольческой армии, Дону, Украине, Кубани, Грузии и другим свободным от большевистского террора частям России собраться и сговориться... по следующим вопросам:

1. Что будет представлять из себя бывшая Российская империя в политическом отношении (монархию, республику, федерацию, и если федерацию, то какого типа?).

¹⁴ Доклад К. Карасева от 16 августа 19 г

¹⁵ Из речи капитана Кошена 25 ноября

2. Какие части бывшей Российской империи войдут в это новое государственное образование и какие станут вне его (Финляндия, Прибалтийский край, Белоруссия, Польша, Украина, Крым, Закавказье)?

3. Кто поможет объединиться тем частям России, которые не заражены самостийностью?.. Помогут в этом отношении союзники, которые кругом должны нам за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральные державы, как соседи?»

Решение в то время вопроса о будущем государственном устройстве России добровольческим командованием, Скоропадским, Красновым, Бычом и Жордания представлялось мне несвоевременным и недостаточно компетентным^[16].

«Выдвигать (этот вопрос) на первый план теперь же, – отвечал генерал Драгомиров^[17], – это значило бы вносить раздор чрезвычайно острого характера в ту минуту, когда для спасения Родины нужно прежде всего единение всех сил... Что же касается «выбора ориентации», то «является совершенно невозможным, чтобы в ту минуту, когда союзники наши со дня на день могут прибыть в Новороссийск и пожелают опереться на Добровольческую армию, последняя стала бы на путь колебания – на кого опираться».

А еще через 2–3 дня глава донского правительства по поручению атамана обратился ко мне с предложением^[18] созвать совещание в Екатеринодаре по вопросу об едином представительстве на мирной конференции, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей России, желающие ее восстановления в прежних пределах и мощи...»

Я ответил полным согласием, прибавив, что общность наших задач властно требует объединения всего дела внешних сношений и полного взаимодействия всех вооруженных сил путем объединения командования. «Если... исходя из самого искреннего желания найти пути к полному единству, нам удастся сговориться по (этим) кардинальным вопросам, – писал я^[19], – то в недалеком будущем можно было бы выдвинуть на очередь объединение и в тех отраслях государственного устройства, которые донской атаман перечислил в своем письме от 3 сентября. № 679»^[20]: финансовых, юстиции, продовольственного дела и торгово-промышленной политики, путей сообщения и телеграфа...

8 ноября^[21] генерал Драгомиров вызвал в Екатеринодар представителей Дона на совещание по следующим вопросам:

«Первое – единое представительство на предстоящем мирном конгрессе, второе – объединение командования всеми Вооруженными Силами Юго-Восточной России в оперативном отношении и вместе с этим объединение всего дела военного снабжения всех фронтов этого района в руках главного начальника снабжения Добровольческой армии, в распоряжение которого от союзников в ближайшее время поступят громадные запасы».

Совещание под председательством генерала Драгомирова состоялось 13 ноября^[22]. Вопрос о представительстве на мирном конгрессе был разрешен легко возложением миссии персонально на бывшего министра иностранных дел Сазонова «с тем, чтобы в состав технических советников делегации вошел бы представитель от Дона». Прочие вопросы были донцами сорваны. Генерал Поляков от имени донского атамана заявил, что «для осуществления

¹⁶ Любопытно, что 18 декабря генерал Краснов по аналогичному поводу писал кубанскому депутату Макаренко: «Будущая Россия – федеративное или унитарное государство – праздный вопрос... Гадание о будущем явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет ни свободных людей, ни времени»

¹⁷ 13 октября. № 149

¹⁸ Письмо 12 октября 18 г. № 1145

¹⁹ Письмо генералу Богаевскому 25 октября 18 г. № 318

²⁰ Письмо генералу Алексееву

²¹ Телеграмма № 517

²² Участники со стороны Добровольческой армии: генералы Драгомиров, Лукомский, Санников, Романовский, Тихменев, Сазонов и Нератов. Со стороны Дона: генералы Поляков, Греков и Свечин

единого фронта и единого командования Дон может дать гвардейскую стрелковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизию, 4–6 броневых поездов, 4 броневые машины и... Южную армию»^[23]. И то только при условии движения Добровольческой армии на север. Донская же армия оставалась вне подчинения. Такую постановку вопроса генерал Лукомский назвал «с военной точки зрения, безграмотной», а генерал Драгомиров – «насмешкой над идеей единого командования»^[24]. Она находилась, однако, в полном соответствии с теми взглядами, которые атаман внушал Войску относительно будущего характера борьбы: казаки скоро отдохнут от трудов бранных, а их сменят на севере Народная и Добровольческая армии... Внушение – психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатление на добровольчество, разрушая идею общей борьбы за Россию.

Замечательно, что по возвращении в Новочеркасск генерал Поляков по поручению атамана, чтобы сгладить впечатление от совещания, тотчас же вызвал к аппарату донского посла в Екатеринодаре генерала Смагина и приказал ему передать союзным представителям, что атаман не отказывается от единого командования, но ставит, между прочим, «непременным условием, чтобы армия имела определенную борьбу против большевиков (?) и чтобы Войско Донское сохранило свою самостоятельность до образования единой России»^[25]. Первое глубоко оскорбило нас и вызвало горячий письменный протест генерала Драгомирова, второе письмо удивляло, так как вопрос шел только об армии, а о Войске (области) ни на совещании, ни в разговорах с союзниками не поднимался вовсе.

Из Новочеркасска обильно текли письма, речи, заявления, в которых крупница правды была переплетена с вымыслом.

Донской фронт начинал морально колебаться и ввиду закрытия границ с Украиной терпел крайнюю нужду в снабжении...^[26]

Генерал Краснов писал горячие послания союзным представителям, прося о помощи, без которой считал невозможным дальнейшее сопротивление Дона, и в то же время заявлял горделиво полковнику Кизу: «Передайте генералу Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция – он имеет все свое и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично (!). Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам нужна помощь союзников...»^[27]

Я требовал нормального подчинения армий, чтобы иметь возможность дивизии и корпуса Донской, как и Добровольческой, армии перебрасывать на тот фронт, где это вызывается стратегической обстановкой... В художественном переложении атамана это требование преподносится казачеству в таком виде: «...полное подчинение вооруженных сил Дона с получением конницы казачьей с фронта и перемешиванием казачьих частей с частями добровольческими, иными словами: нарушение образа служения войска, толикою славою покрытого».

Замечательно, что в то же время генерал Краснов, не боясь перемешивания, настойчиво просил о переброске добровольческих частей на Донской фронт, справедливо видя в этом единственное спасение Дона.

«Общерусские» войска были желательным гостем в противоположность «общерусским учреждениям»... 9 января 1919 года (? 092) по поводу размещения в Ростове отдела пропаганды атаман Краснов писал генералу Драгомирову: «На земле Войска Донского не может и

²³ Разлагающаяся организация

²⁴ Из протокола заседания

²⁵ Копия ленты разговора Смагина и Полякова

²⁶ 21 октября атаман Краснов писал генералу Лукомскому: «У меня (в армии) две трети не имеют сносных сапог, одна треть совсем не имеет сапог, обута в лапти, даже офицеры. Не только полушубков, не только телогреек, но даже шинелей далеко не хватает. Патронов осталось только 13 миллионов. А война идет страшно жестокая».

²⁷ Со слов генерала Краснова. – Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Т. 5

не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска...»

«...Старшие начальники и офицеры, – говорил он генералу Щербачеву и внушал, без сомнения, эту мысль армии, – будут бояться, что от них отнимут все высшие командные должности и заменят их лицами, угодными Деникину, и не казаками, и это может вызвать упадок их энергии в решительные минуты борьбы...»^[28]

Я добивался сосредоточения всего военного снабжения в одних руках для правильного распределения снабжения, доставляемого союзниками, для учета и регулирования потребности фронтов в хлебе и стратегических железнодорожных линий – в нефти и угле. Это мое требование, проявившееся реально в снабжении Дона английскими запасами и в довольствии края и армии кубанским и ставропольским хлебом, в стилизованном изложении атамана формулируется словами: «Снабжение, находящиеся в распоряжении Войска Донского хлеб и уголь передаются в распоряжение Добровольческой армии (?), выгоды и угодия (Войска), утвержденные грамотами императрицы Екатерины Великой, от него отходят».

Я писал Богаевскому о желательности объединения некоторых отраслей государственного управления, предложенного некогда самим генералом Красновым, это предложение превращалось в «полное подчинение всего Войска Донского с его населением и армией генералу Деникину...» Мои помощники, ведшие непосредственно переписку с атаманом, нервничали и положительно терялись от изумительных оборотов в посланиях атамана, извращавших самую элементарную сущность всяких вопросов.

Атмосфера между тем сгущалась все более и более. Ширился круг лиц, принимавших участие во взаимной расправе военачальников, осложняя своим вмешательством и без того тяжелое положение. Печать принимала все более резкий, нервный тон. Атаманский официоз «Часовой» возбуждал казачество против Добровольческой армии... Кубанские самостийные органы, сохраняя в отношении генерала Краснова «вооруженный нейтралитет», травили меня и Добровольческую армию... Все екатеринодарские «российские» газеты, не исключая и социалистических, и кубанские – «линейные» – травили атамана Краснова... И атаман жаловался на них моему представителю в Новочеркасске, принимал у себя, на Дону, ряд драконовских цензурных мер в отношении екатеринодарской прессы и относил все это всецело к работе своих недругов – Харламова, Парамонова, Сидорина и других, «под крылом добровольческого командования ведущих кампанию против него...» Председатель «Особого совещания» генерал Драгомиров, поставленный в очень щекотливое положение в отношении поддерживавшей армию печати, писал редакциям письма, прося их воздержаться от выступлений против донского командования и «использовать (свое) влияние для упрочения хороших отношений с Доном, начало которых уже положено...»^[29]

²⁸ Я должен заметить, что эти мысли не прививались донскому офицерству, и отношение его к Добровольческой армии и ко мне оставалось доброжелательным.

²⁹ Циркуляр 14 декабря 18 г. № 1161

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.